

Александр **РАННЕ**,
протоиерей

СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Благоверного великого князя Александра Невского без Великого Новгорода и св. Софии, где воспитывалось его православное благочестие, понять невозможно. Но, чтобы лучше разобраться в особенностях взаимоотношений князя Александра Ярославича с Великим Новгородом, необходимо обратить пристальное внимание на традиции, развивавшиеся в Новгородской республике по отношению к княжеской власти как таковой. Уже в XII–XIII веках власть князя во Владимире и Великом Новгороде имела свои существенные особенности. У славян, как, впрочем, и у других европейских народов, вплоть до ахейцев Древней Греции или древних германцев, племенной старейшина, вождь и военачальник-герой постепенно превратился во властного правителя с религиозно-жреческими функциями, в различной степени выраженными. Есть все основания полагать, что и славянские племена развивались по тому же пути. Правда, известный исследователь истории древнего Новгорода академик РАН Валентин Лаврентьевич Янин придерживается несколько другого взгляда. Он, в частности, писал: «К родо-племенной старейшине генетически восходят и вече, и посадник, и господа. В отличие от норманистских установок, возводящих установление правопорядка на Руси к призванию варяжской династии, мы видим в истории Новгорода победу традиционной, растущей из местных корней государственности над княжеской, её большую жизнестойкость и обладание более сильными возможностями». Безусловно, к становлению правопорядка на Руси норманны вряд ли имели какое-либо отношение. Их призвание диктовалось скорее желанием получить правителя, стоящего над местными различного рода сообществами, стремящимися к власти и тем сеющими смуту по всей земле. Знакомство же с правопорядком, в прямом смысле этого слова, будет происходить по мере соприкосновения славянских племён с европейской христианской культурой. Пусть представляется затруднительным со всей серьёзностью относиться к преданиям о Гостомысле, но всё же стоит задуматься над высказыванием И. Я. Фроянова, который обращает внимание «на сообщения арабских писателей о царе одной из трёх групп руссов, именуемой «ас-Славийа» и локализуемой исследователями в области ильменских словен. На основании

Иоанн (?), Авраамий Ростовский, Александр Невский. Икона-таблетка. Середина XVI века. Новгородский государственный объединённый музей-заповедник.

этих и других сообщений можно заключить о существовании княжеской власти в словенском обществе ещё до появления варягов».

Представляет интерес древнейшая традиция северных племён относиться к князьям как к потомкам богов. Традиция эта своими корнями уходит в верования Древнего Египта, легенды Древней Месопотамии и Греции. Трудно себе представить, чтобы словенские племена могли быть независимы от подоб-

ных представлений. И только христианская культура заставляет эти традиции переосмыслить. Князь в Великом Новгороде — не потомок богов, и жреческие функции ему не принадлежат. Его нанимают на службу, оговаривая условия её прохождения. Без архиепископа, посадника, господы и веча он не может принимать никаких решений. Князь не распоряжается землями ни в городе, ни за его пределами. Он даже не имеет права суда.

Такое положение сложилось после того, как новгородцы помогли Ярославу Мудрому

одержат победу над его братом Святополком. Уезжая из Новгорода в Киев, Ярослав пожаловал городу определённые привилегии, которые в точности не известны, но которые обязывался исполнять всякий князь, избранный новгородцами или ими принимаемый. Особенно явственно эта вольность стала проявляться после смерти Владимира Мономаха, при котором князья Древней Руси «знали своё место». В 1136 году князя Всеволода со всей его семьёй новгородцы посадили под арест на целых два месяца. Иногда князей изгоняли, а иногда отвергали ставленника великого князя, если он не устраивал.

До начала XII века князь назначал посадника, но уже в 1130-е годы эта важная должность становится выборной. После смерти архиепископа Нифонта выбирать новгородцы стали и своего епископа. Избранник потом должен был получить рукоположение от митрополита Киевского и всея Руси, и этим Новгород сохранял себя в единстве со всей Русской православной церковью и в рамках православия в целом, так как митрополит на Руси ставился в Константинополе. Кроме того, само получение от Царьградского патриарха архиепископского титула свидетельствует, возможно, о существовании особых доверительных отношений. Они сложились ввиду проявленной верности новгородского епископа каноническому праву в деле с митрополитом Климентом и, может быть, благодаря тем невидимым связям, которые были необходимы новгородским купцам для осуществления успешных торговых операций. Если вспомнить ещё и о том, что должность тысяцкого тоже с XII века становится избираемой, то получается полное впечатление реально действующей средневековой демократии.

Князь с дружиной нужен был Новгороду скорее как продолжение традиции, которая помогала чувствовать себя наравне с другими княжествами, и как защитник интересов, но он постоянно ущемлялся в правах. Новгородская I летопись рассказывает о призвании в 1228 году князя Ярослава Всеволодовича: «Поеди к нам... на всей воли нашей и на всех грамотех Ярославлих ты наш князь; или ты себе, а мы себе». И чем дальше, тем больше Великий Новгород пытался положить пределы князю в его политических и экономических притязаниях. Богатый город не хотел зависеть ни от киевского великого князя, ни от великих князей Владимиро-Суздальской Руси. Ему пришлось покориться Московской Руси, но своё значение он потерял всецело только тогда, когда на берегах Невы (за господство над которыми будет воевать ещё Александр Ярославич) Пётр I поставил новую столицу. Слава Великого Новгорода потускнела в силу потери им своего наиважнейшего значения как центра торго-

Святой Александр Невский. Конец XIX века. Нижегородский Александро-Невский собор.

вых путей, идущих на запад и восток. С нашей точки зрения, именно торговля определяла особенности социально-политического устройства Великого Новгорода. Интересно вспомнить, что ещё великий Платон считал непозволительным для граждан Афин заниматься торговлей, ибо, способствуя быстрому обогащению, она развращает и превращает правильно устроенное аристократическое общество сначала в государство чести и ценза, затем приводит к власти богатых олигархов, а затем, вслед за кратким периодом демократии, наступает тирания. История, конечно, гораздо сложнее, но всё же даже на примере одного Великого Новгорода можно усмотреть гениальную прозорливость великого философа.

Первая жена Ярослава Всеволодовича, половчанка, умерла за семь лет до рождения Александра. Предполагается, что матерью Феодора и Александра была вторая жена князя, дочь новгородского князя Мстислава Удалого и его жены Марии Котьяковны, княжны половецкой. Это во многом объясняет,

почему Ярослав Всеволодович привёз своих малолетних сыновей именно в Новгород.

Воспитанный с детства вместе со своим старшим братом Феодором в новгородских традициях Александр Ярославич очень быстро вырос из границ местнических интересов княжества. И дело здесь не только в личном примере его великих предков, стремившихся к объединению Руси под единым началом, — князь был верным сыном православной церкви, которая делала славянские племена едиными в языке, культуре, вере и законе. Кроме того, город, наполненный различного рода рассказами путешественников и торговцев обо всём том, что происходило в мире, становится для молодых князей школой общемировой политики.

А время было сложное. Казалось, что в этом христианском только по названию мире все воевали со всеми. XII — начало XIII века для Руси были временем непрерывных междоусобных войн. Количество князей всё увеличивалось, а городов, способных удовлетворить их потребности, не становилось больше. Да и в Европе было никак не спокойнее. Германский император Фридрих II почти непрерывно враждовал с престарелым римским понтификом Григорием IX, умершим в 1241 году в возрасте 94 лет. После короткого перерыва власть в Риме перешла к бывшему геновскому кардиналу, который стал папой под именем Иннокентий IV (июль 1243). Спасаясь от Фридриха, он бежал в Лион под защиту короля Франции Людовика IX Святого, которого, кстати, по его значению для европейской истории иногда сравнивали с благоверным князем Александром Невским. Там в 1245 году папа Иннокентий созвал собор, на котором главным вопросом была анафема императору Фридриху. Но также были приняты решения о необходимости переговоров с восточными христианами о воссоединении, что, возможно, и было причиной адресованных в 1247-м Александру Невскому писем о единении и совместном противодействии монголам, против которых западные епископы призывали организовать крестовый поход. Правда, собирать его на западе Европы было по большому счёту некому. Восточная Европа, включая Венгрию, Чехию и Польшу, была уже разорена монголами, а Людовик IX в перерывах между локальными войнами с англичанами занимался подготовкой крестовых походов для освобождения Святой земли.

Но главной бедой для православной Руси в то время было завоевание рыцарями Четвёртого крестового похода Константинополя. На месте столицы всего православного восточного мира было организовано маленькое латинское королевство под управлением Балдуина II, тоже, заметим, активного участника Лионского собора 1245 года. В это время патриарх Константинопольский

находился в Никее, совсем рядом с бывшей столицей, при дворе императора Феодора II Ласкариса. А будущий узурпатор власти его сына и освободитель Константинополя (1260) Михаил Палеолог строил свои спасительные для Византии планы.

Для совсем ещё молодого Александра, победителя шведов на Неве и немецких рыцарей на Чудском озере, поездка в Орду стала ярчайшим подтверждением правильности политики своего отца Ярослава Всеволодовича по отношению к монголам. Разорённая и утопающая в своих раздорах и на юге, и на северо-западе (даже после Батыева нашествия) Русь не могла ничего противопоставить своим врагам на востоке. Согласиться же на уговоры папы Иннокентия IV о присоединении к римско-католической церкви ради совместного крестового похода против Орды было для благоверного князя Александра психологически невозможно. Да и пример его отца, вероятно, отравленного в Орде по подозрению в возможности заключения союза с Римом, делал чрезвычайно опасным ведение двойной игры с монголами.

Ни литовскому князю Миндовгу, который притворно принимал католическую веру, ни великому князю Даниилу Романовичу Галицкому, который перед опасностью второго нашествия ордынцев принял от Иннокентия IV королевскую корону в обмен на обещание объединительного крестового похода, эти компромиссы не принесли никакой пользы. Во все времена различного рода спекуляции на вероучительных принципах ради политических выгод приводили только лишь к большим бедам. Великий князь Александр Невский в этом отношении оказался, можно сказать, почти единственным исключением. Его политика была направлена на то, чтобы восстановить, по возможности, русские города и объединить княжества под единой крепкой властью. Собственно, здесь не было ничего нового. Его предшественники великие князья киевские, а потом и владими́ро-суздальские всегда к этому стремились, только во времена Александра Ярославича проблема эта оказалась вопросом жизни и смерти Русской земли.

Проблема была не только в том, что города были сожжены. Монголы уводили с собой лучших русских мастеров и ремесленников, а это, в свою очередь, приводило к тому, что затруднительно было торговать и строить. Даже в Великом Новгороде, который ордынцы не разрушали, на многие годы затормозилось каменное строительство. И великим делом князя Александра было сохранение этого города для Руси ради продолжения торговых и культурных отношений с Западной Европой. Его победы были важны не ради побед самих по себе и защиты границ, но и для обеспечения торговых преференций на новгородских условиях. «И прислали нем-

Святой Александр Невский. Конец XIX века, поновление в начале XXI века. Нижегородский Сергиевский храм.

цы послов во Псков и Новгород, прося мира на всей воле новгородской и псковской, и тако заключили мир».

«Воле» Александра Новгород покорился не сразу, но постепенно ввиду возрастающих угроз и непреклонной воли князя. Новгородцы приглашали его не только для ведения войн, но и для подавления смут и разрешения трудных задач по усмирению выступлений против монгольских сборщиков дани или тех, кто пришёл исчислить народ в интересах Орды. Новгород и боготворил, и ненавидел своего князя одновременно, но никакой политической альтернативы победителю шведов, орденских крестоносцев и литовцев в те времена не существовало. Новгородская «господа», исходя из сугубо политико-экономических интересов, сама приглашала князя Александра для подавления народного недовольства сбором несправедливой дани.

В 1262 году в Новгороде князь Александр заключил мирный договор с литовским правителем Миндовгом, который демонстратив-

но отказался от католической веры, предав огню после победы при озере Дурбе в 1260-м несколько рыцарей в жертву языческим богам. Тем же летом Миндовг совершил поход против Ордена, но княжеская дружина во главе с девятилетним сыном Александра Невского опоздала принять в нём участие, а осенью того же года великий князь, собираясь в свою последнюю поездку в Орду, заключил мирные договоры с Ригой, Ливонским орденом, Любеком и островом Готланд.

В Сарай-Берке Александр Невский ехал, чтобы отмолить русских людей от призыва на войну монголов с иранским ханом Хулагу. Интересно, что эта война не нужна была Михаилу XIII Палеологу, который в 1261 году освободил Константинополь от латинян Балдуина II и делал всё возможное, чтобы обезопасить себя от нашествий с запада (переговоры с папой об объединительном соборе, дабы обезопасить себя от агрессии Карла Анжуйского) и востока. В то время иранский хан был удобным противовесом туркам-сельджукам, которые традиционно угрожали Византии.

Трудно сказать, имел ли благоверный князь в виду эти трудности византийского императора, но близкий Александру человек, митрополит Кирилл III, бывший печатник при дворе галицкого князя Даниила Романовича, в 1246–1247 годах был в Никее у патриарха Константинопольского. Кстати, по пути он вёл успешные переговоры о браке между Даниилом Романовичем и дочерью венгерского короля Бела IV, а в 1250 году привёз в жёны тогда ещё великому князю Владимирскому Андрею Ярославичу дочь Даниила Галицкого.

В 1251 году в Великом Новгороде митрополит Кирилл впервые встретился с Александром. Тот после смерти своего отца получил в Орде право быть великим князем разорённого и уже не имеющего никакого политического влияния Киева, в то время как его брат Андрей стал великим князем владими́ро-суздальским. В этом была намеренная политика монголов сохранять себя от возможного объединения русских княжеств. После С. М. Соловьёва большинство историков, особенно западных, очень некритично рассматривая историю того времени, ставят в вину Александру Ярославичу его возможное участие в организации карательного похода Неврюя против князя Андрея. Однако как-то принято стало забывать, что в это время был ещё жив родной брат Ярослава Всеволодовича, который считал себя обойдённым в этой борьбе за великокняжеский престол, да и Александр Невский никак не мог по времени успеть к организации похода Неврюя. Его последующие отношения с бежавшим после поражения в Швецию братом, их совместная поездка в Орду никак не свидетельствуют о возможном предательстве.

В 1251 году, возвратившись из Орды, Александр не поехал в Киев, а вернулся к себе в Новгород. Здесь князь сильно разболелся. В это же время умирает и его первая жена княгиня Александра. И чрезвычайно важная, даже, можно сказать, промыслительная встреча его с митрополитом Кириллом, его единомышленником и другом, тоже состоялась на берегах Волхова. Здесь, возможно, и оформился окончательно этот судьбоносный для Руси план: ведя примирительную политику с монголами через принявшего крещение Сартака, обеспечить на выгодных условиях для Новгорода его торговлю со странами Западной Европы.

В этом отношении необходимо особенно отметить, что в 1261 году при активном содействии великого князя Александра митрополит Кирилл открыл в Сарае православную епархию. Там в это время уже было много русских людей, которые и по своей, и не по своей воле вели свои и чужие дела, и духовное попечение о которых было предлогом для строительства христианской православной жизни. Но и монголы до принятия ислама были достаточно веротерпимыми, и среди них много было христиан, хоть в большинстве своём и несторианского направления.

В современной исторической литературе часто можно встретить и обвинения Александра Невского в непомерной жестокости. Действительно, и в западных, и в отечественных источниках встречаются упоминания о жестоких средствах ведения войны и подавления сопротивлений различного рода. Скажем, в житии есть такое сообщение: «В то же время умножился народ литовский, и начали разорять волости Александровы... и побил он семь полков ратных за один выезд, множество князей их избил, а других взял в плен, слуги же его, издеваясь, привязывали литовцев к хвостам своих коней. И стали они с того времени бояться имени его». Упоминания о жестокости участников средневековых войн нередки в источниках.

Так показателен случай из истории крестовых походов. Однажды крестоносцы, прогнав врагов, захватили в плен целый гарем. По воспоминанию участника тех событий благочестивого христианина: «Мы не сделали им ничего плохого. Только пронзили их копьями».

Жестокость по отношению к врагам в известных нам случаях из жизни Александра Ярославича была всегда оправдана высшими интересами. Нельзя сказать, что выбор средств у него соответствовал гуманистическому лозунгу «цель оправдывает сред-

Набожность и любовь к чтению князя Александра. Лицевой летописный свод. Лаптевский том. Лист 898 об.

ства»: к его борьбе за спасение отечества, скорее, применима формула «цель средства определяет». Вот и автор жития пишет, как Александр, прогнав шведов, попытавшихся поставить город и крепость на реке Нарове, «срыл город до основания, а самих их — одних повесил, а других с собой увёл, а иных, помиловав, отпустил, ибо был он милостив свыше меры».

В ту далёкую эпоху нужны были сила и мужество, чтобы отстаивать христианские ценности. Александр эту силу и мужество имел в избытке. «Князь же Александр, — пишет автор жития, — пришёл во Владимир после смерти отца своего с большим войском. И был грозен приезд его, и промчалась весть об этом до самого устья Волги. И стали жёны моавитские пугать детей своих, говоря: «Александр князь едет!»

Почитание благоверного великого князя Александра Невского начинается сразу после его смерти. Не может не тронуть читателя житийное описание смерти благоверного князя, перед смертью принявшего схиму с именем Алексей. «Дети мои, — восклицал митрополит Кирилл, — знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской! Уже не найдётся ни один подобный ему князь!» И весь народ отвечал: «Уже погибаем!» И всех поразило чудо, бывшее при гробе, когда в зимнюю пору окоченелая рука великого князя сама взяла отпустительную грамоту из рук митрополита Кирилла. Свидетелем же этого поразившего всех чуда был монах Севастьян, экононом Рождественского монастыря во Владимире.

Автор жития, написанного, вероятно, около 1280 года, называл себя домочадцем и очевидцем жизни великого князя Александра. Митрополит Кирилл в послании к сыну Александра Невского ещё не называл его святым: «...ведай, сын мой князь, как великие князья, твои прадеды и деды, и отец твой, великий князь Александр, украсили Церковь Божию...» Но уже в Лаврентьевском списке летописи (рукопись 1377 года) князь Александр назван «святым», так же как и «святой князь Володимир», крестивший Русскую землю. И в XIV веке было видение во Владимире двух старцев, пришедших ко гробу Александра, чтобы помочь Дмитрию Донскому. В 1380–1381 годах при митрополите Киприане во Владимире в монастыре Рождества Пресвятой Богородицы произошло обретение мощей благоверного князя. Само описание этого события относится к XVI веку,

но ничто не мешает нам говорить о реальности времени описываемого исторического факта, так как о его мощах есть упоминание в связи с пожаром 1491 года. К 1508 году относится фреска Благовещенского собора Московского Кремля, на которой благоверный князь Александр изображён с нимбом вместе с московским князем Иваном Калитой. Официальная канонизация великого князя Александра была проведена на Московском соборе 1547 года, когда митрополит Макарий, бывший ранее Новгородским архиепископом, предложил установить празднование ему по всей России.

Если к выше сказанному прибавить и то, какой популярностью в России во все времена пользовалось житие благоверного великого князя Александра Невского, то можно с уверенностью констатировать естественное и неуклонное распространение его почитания среди благочестивого русского народа.

В самые трудные времена для России его имя всегда упоминалось как пример стойкого и мужественного защитника веры православной и отечества. Даже отрицавшие национальную историю и православные традиции в угоду классовым интересам большевики в годы Великой Отечественной войны вынуждены были вспомнить его имя и подвиги.

Образ благоверного князя Александра в схимнических ли одеждах или в доспехах воина, молящегося за землю Русскую, навсегда стал для православного русского человека иконой благочестия и школой истинного патриотизма.

г. Великий Новгород